

Амань Тагжиева

ПРОСТИ
МЕАЯ,
МАМА!

Аннотация

«Прости меня, мама!» — Сборник рассказов и стихов Амаль Ханум Гаджиевой, известного деятеля таджикской Культуры, таджикской общественной жизни, журналистики и светской жизни.

Амаль Гаджиева

ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА!

Сборник рассказов и стихов

Предисловие

АЛМАЗНАЯ ГОРА

(Стихотворение в прозе)

Когда я гляжу на эту антично красивую, элегантную, словно только что вернувшуюся из Парижа, Женщину — я радуюсь, что такое чудо летает по душанбинским улицам, появляется на выставках и концертах, в театрах и галереях, на страницах газет и журналов.

Это, несомненно, чудо таджикской Культуры, таджикской общественной жизни, таджикской журналистики, светской жизни.

Я бы назвал Её — «Национальным Достоянием» и водил бы к ней туристов со всего мира, как, скажем, к Гиссарской крепости...

Только крепость молчит, а наша героиня — блистательный Собеседник, Мудрец, Острослов...

Я не видел в жизни более остроумную, блистательную, как бриллиант, Женщину.

И давно окрестил Её — «Ходжа Насреддин в юбке...»

Великий суфий Ходжа Насреддин — герой 43 стран и многих народов — от Испании до Китая — является нам в разных обличьях.

Нам он явился в образе этой Женщины. Как подлинная аристократка, она не увяла в «хешу-таборизме и алкоголизме, не замкнулась за дувалами, не растратилась в сладких дружеских дастарханах... Она спасает людей и деревья, пишет острые статьи и рассказы... Это вечно извергающийся Вулкан юмора, смеха, артистизма, любви!.. А от её новелл горьких, как наша жизнь, я иногда плачу...

А ведь эта Женщина пережила страшную трагедию во время гражданской войны... Словно огромная скала в камнепаде упала на хрупкие плечи Её...

Но эта трагедия не согнула, не сломала Её, а сделала Её Величественной, Небесной, Прекрасной... Господь всякому дает испытания в жизни, свой Крест...

(Вспомним, что иранские ковры топчут многие ноги — и оттого ковры прекрасней!)

Но Ей Господь дал два Креста, дал такие испытания, которые не выдержал бы могучий муж... Но она выдержала, выстояла... Её спасла любовь к Богу, любовь к людям — только эта любовь может спасти нас от всех бед...

Только ранняя седина явилась на Её

прелестной, античной головке. Как альпийский снег на вершинах хрустальных небесных гор...

Да и сама Она стала, как небесная гора, на которую мы, земные муравьи, глядим с восхищением и любовью...

В блаженном Таджикистане много высоких гор с вечным алмазным снегом.

Одна из этих Хрустальных Вершин — называется Амаль Ханум Гаджиева...

Я — вечный ученик у подножья этой горы...

Вспомним Слова Пророка — да будет с Ним Милость Аллаха — «Рай находится у ног наших матерей...»

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

РАССКАЗЫ

Честно говоря, все мои рассказы основаны на реальных событиях, нет ни одного выдуманного!

ГОЛУБКА ХАЙДАРОВА

Рассказ

Как всегда в это утро я вышла в сквер напротив дома, сделала гимнастику, и села на скамейку, чтобы полюбоваться красками весны. Солнце робко, словно стydливая невестка, выглядывало из-за горизонта, освещая все вокруг. Под его лучами деревья и кусты в сквере приобретали особую красоту. Вот кустарники с желтыми цветами, о которых я писала в своем рассказе «Возрождение», вот моё любимое дерево с развесистыми ветками — дуб. Несколько лет назад, старики, гуляющие здесь, сказали мне, что это дерево отдает людям свою энергию, просто нужно его обнять и постоять так несколько минут. И мне уже вошло в привычку, каждое утро подходить к нему и постоять, обнявшись с ним, и, действительно, мне казалось, что после этого я чувствую себя намного бодрее. Я люблю эту рань, когда я одна во всем парке, транспорт пока не ходит, и никто не мешает мне насладиться разноголосым пением птиц, красотой природы, надышаться чистым воздухом. Я гляжу на голубое

небо через зеленые ветки деревьев: кто сказал, что голубой цвет не сочетается с зеленым?! Этот зеленый цвет на голубом — такая красота! А ещё очень люблю отражение деревьев на воде...

Когда я оторвала взгляд от неба, увидела голубя, подлетевшего к моей скамейке: сейчас он важно вышагивал по земле, наблюдая за мной искоса, словно хотел узнать, заинтересовал он меня или нет... И вдруг воспоминание о другом голубе молнией обожгло мой мозг...

Муж откуда-то принес дочерям подбитую из рогатки мальчишками, голубку. Она хромала и выглядела очень больной и несчастной. Но муж знал, что дочки сделают все, чтобы выходить её. И они действительно выходили её своей любовью и заботой. В тот год младшая моя дочь — Зарина училась во втором, а старшая — Аделина — в пятом классе. Их восторгу не было предела. Они тотчас же соорудили из коробки жильё для голубки, даже положили в неё ваты, чтобы ей было мягко там спать, завели для неё посуду для еды и питья. Перевязали ей лапу. Они с удовольствием возились с птичкой, кормили, поили, играли с ней. Вскоре голубка стала совсем ручной, и не отходила от девочек: в отношениях воцарилась полная гармония, и взаимная любовь...

Однажды ко мне зашла моя коллега и подруга по Интуристу Ольга Петрова, которую мои девочки

очень любили. И, конечно же, они не могли не похвастаться ей своей голубкой. Перебивая друг друга, они рассказывали о птичке, о её повадках и проделках. Ольга с удовольствием слушала их, сидя за письменным столом, на котором лежали книги и тетради девочек: вдруг она затряслась от смеха, глядя на одну из них. Я удивленно взглянула на неё. Все ещё смеясь, она протянула мне тетрадку в руке. Ничего не понимая, я взяла тетрадь и прочитала на обложке «Дневник Голубки Хайдаровой», и тоже захохотав, заглянула в тетрадь: там были выставлены числа и оценки голубке за поведение, за пение, за физкультуру!..

Мы с Ольгой долго смеялись, но увидев обиженные взгляды девочек, попытались взять себя в руки и стать серьезными, хоть это удавалось с большим трудом...

Действительно, когда дети заботятся о ком-то другом, они становятся более ответственными, а общение с меньшими нашими братьями делает их добрее, мягче, меняет их взгляд на многие вещи, даже на саму жизнь. Я заметила, что девочки перестали ругаться, порой даже драться друг с другом из-за каждой мелочи: они стали дружной, казалось, «Голубка Хайдарова» сплотила их, научила их любить, дружить, да и вообще жить по — новому. Не успеют проснуться, бегут к своей голубке, чистят её жильё, моют посуду, кормят её,

глядят и только после этого сами идут принимать водные процедуры. А после завтрака прощаются с голубкой как с человеком и уходят в школу. После школы все повторяется. Девочки даже учиться стали лучше, тем более что я предупредила их, что если у них ухудшатся оценки, я буду вынуждена отдать голубя кому-нибудь. Этого они не могли допустить. Увы, эта беда приходит навечно, а счастье длится недолго: однажды, голубка вылетела в открытое окно, ошеломлённые этим девочки, пулей спустились с четвертого этажа во двор, и начали искать свою питомицу. И вдруг увидели её возле окна в подвал.

— Иди ко мне, голубка, — попросила Зарина.

Но голубка и не думала подойти к ней. Тогда Аделина стала молить её:

— Иди сюда, моя хорошая, ты же знаешь, как мы любим тебя, мы не сможем жить без тебя! Да и тебе будет плохо без нас!

Голубка, не шевелясь с места, задумчиво смотрела на своих спасительниц, словно решая, подойти к ним или нет. А девочки боялись испугнуть её, и опасались, что та может залететь в подвал, где её будет невозможно поймать. Но никто из них не знал, что беда подстерегает их совершенно с другой, неожиданной стороны:

Откуда-то из-за угла появился огромный дворовый кот Мурка, одним прыжком настиг

голубку, схватил её за шею и, задушив, начал есть голубя, тот даже не успел пискнуть. И все это на глазах у девочек, ещё не ведающих о том, что мы все смертны в этом тленном мире. Вначале они потеряли дар речи от ужаса, и только спустя минуту, начали кричать истошным голосом:

— Мама, мамочка, наша голубка!.. Рыдания душили их. Я прибежала к ним, и, обняв их обеих, содрогающихся от плача, прижала к своей груди. Глядя на их неподдельное горе, и я не смогла сдержать слез и заплакала вместе с ними. Я никак не могла успокоить девочек, и пришлось заставить их выпить успокоительных капель.

Вернувшись с работы, муж удивленно взглянул на наши заплаканные и вспухшие от слез, лица.

— Что случилось?! — испуганно спросил он.

— Наша голубка, — разом зарыдали девочки, — её убил Мурка!

— Что? Кто кого убил?! — не понял муж.

Я рассказала ему о случившемся.

— Подумаешь, кот съел голубку, тоже мне проблему нашли! — отреагировал он на трагедию девочек. — Да я вам принесу ещё сотню таких голубей!

— Нам не нужны другие голубки! — снова в голос зарыдали девочки. — Мы хотим свою Голубку Хайдарову!

Я попыталась объяснить мужу какая это страшная трагедия для девочек: ведь они впервые в жизни столкнулись с самым страшным явлением — смертью!

— Да ты сама тоже как ребенок! — прервал меня муж. — Велика потеря — голубка!

Я поняла, что с ним бесполезно говорить, он никогда не поймет горе моих дочерей, ведь и он сам, сколько подстреливал птиц, будучи мальчишкой...

— Невозможно, мои дорогие девочки, вернуть нашу голубку, вы же видели, её больше нет! Он ушел в небытие. Но мы с вами будем всегда помнить о ней. К сожалению, не все зависит от нас: у каждого живого существа своя судьба: жизнь каждого отмеряет Всевышний...

— Значит, он очень злой и нехороший, — закричала Зарина. — Почему он не спас нашу голубушку?!

— Мама, а он и тебя может отнять у нас?! — испуганно спросила Аделина. — И ты уйдешь в небытие?!

Им было страшно жить после первой встречи со смертью, после первой вечной разлуки с любимым существом.

— Нет, нет, он же знает, что я нужна вам, вы ещё маленькие и должны иметь свою маму — поспешила я успокоить её. — И нельзя говорить,

плохо о Всевышнем, девочки мои. Мы, люди, не можем, и не имеем право осуждать его действия... Он сам знает, что делать...

Если бы тогда они знали, что они сами первыми уйдут в небытие, оставив несчастную мать страдать и горевать до самого конца жизни!..

Девочки горевали по голубке и плакали долго, и мне стоило огромных усилий успокоить их.

...А приголубил ли вас кто в том мире, где вы находитесь сейчас, и любят ли вас также, девочки мои дорогие?!..

Душанбе, май, 2014 г.

РЫЖИК

Рассказ

Он был очень несчастным. Его больше не радовали ни ясные дни с чистым, лазурно синим небом и ярким, теплым солнцем, ни хмурые дни, с морозящим бесконечным дождем, под шум которого он раньше так любил поспать, ни зимние дни, когда все вокруг становилось белым — бело. Его больше не трогали ни красота природы вокруг, ни изящество и кокетство таких разных, но прекрасных дам. Он был несчастен. И не знал, кому рассказать о своем горе. Ему так хотелось вылить

душу кому-нибудь, поделиться своим таким невыносимым горем. И он подходил к каждому прохожему или прохожей, чтобы поговорить по душам, спросить у них, за что же судьба обошлась с ним так жестоко? За что его предали самые близкие, самые дорогие люди?! Почему он, такой любимый, такой заласканный, имеющий свой дом, семью, должен скитаться по грязным улицам в поисках куска хлеба, который приходилось добывать в жестокой, беспощадной борьбе с сородичами?! Но его грязный, ободранный вид отталкивал, и все, к кому бы он ни подошел, или просто отмахивались от него, а бывало, что ещё хуже, пинали его, оскорбляли обидными словами «попрошайка, прилипала, бомж», хотя он не заслужил ни одно из этих оскорблений. И тогда, понунив голову, он уходил в какой —нибудь укромный уголок и погружался в свои невеселые думы. Ах, какое это было счастливое время! У него была любимая хозяйюшка — десятилетняя Юнона, которую он обожал. Была семья, дом — полная чаша, и большая к нему любовь домочадцев. Но по непонятным ему причинам его разлюбили, предали, выкинули как ненужную тряпку на улицу! Разве это достойно человека, приучить к себе, а затем доставлять невинному существу столько страданий и горя?!

Юнона возвращалась со школы, когда

увидела, как ватага мальчишек закидывали камнями какой-то рыжий комочек у арыка и спорили между собой, чей камень достиг цели. Разогнав мальчишек, Юнона подбежала к арыку и, невзирая на протесты своих подружек, взяла на руки полуживого от страха, маленькое, дрожащее то ли от страха, то ли от холода, маленькое тельце и прижала его к груди. Её огромные серые глаза наполнились слезами. Затем сняла с головы платок и завернула его.

— Не бойся, мой маленький, теперь я буду тебя защищать, — шептала она ему на ухо. — И никто никогда не смеет больше тебя тронуть!

— А тебе мама разрешит взять его? — с ехидством спросила подруга Таня.

— Если не разрешит, я уйду из дома вместе с ним — отпарировала Юнона.

Когда она появилась дома вся зареванная, с каким-то комочком на груди, мать испуганно подбежала к ней:

— Тебя кто-то обидел? Кто?!

Юнона была единственным и поздним ребенком в семье и мать с отцом не чаяли в ней души. Невзирая на то, что её баловали со всех сторон — родители, бабушки и дедушки с обеих сторон, она росла доброй, отзывчивой девочкой. И сейчас, когда мать увидела зареванную дочь, у неё сердце упало к ногам:

— Говори же, кто тебя обидел? — переспросила она с нетерпением.

Юнона протянула матери сверток из своего платка и, задыхаясь от рыданий, выдавила:

— Его хотели убить! Мама, представляешь, убить! Он такой маленький, беспомощный, а их было пять-шесть человек, и они кидались в него камнями! — и, не выдержав больше, громко расплакалась.

Мать раскрыла платок дочери и увидела рыжего комочка, у него с бока текла кровь.

— Ах, нелюди! — Запричитала она громко и бросилась к аптечке. Затем, словно передумав, побежала в ванную комнату и принесла чистую, мокрую тряпку и обтерла ею комочек и только после этого обработала рану йодом.

Юнона с благодарностью и огромной нежностью следила за мамой. На душе стало легко: мама не выгонит такое несчастное существо!

И с того дня Рыжик, как его окрестила Юнона, стал полноправным членом семьи: все его любили, и мама, и папа, а Юнона не чаяла души в нем. Они спали с ней вместе, она его кормила, чистила, ухаживала за ним. Это было условием папы: коли, ты принесла его в дом, будь добра, сама о нем и позаботься, неси ответственность за того, кого ты приручила. Но для Юноны эти хлопоты были только в радость. Она даже учиться стала намного

лучше. Ответственность за чужую жизнь сделала её серьезной, она будто повзрослела. Придя со школы, первым делом игралась с Рыжиком, затем, покормив его, занималась своими делами. Но Рыжик не отходил от неё ни на шаг, словно предлагая ей свою помощь. Мать с отцом не могли нарадоваться на свою дочь, и той гармонии отношений, которая сложилась в доме после появления Рыжика. Все-таки, сколько новых эмоций он принес! Сколько радости доставляет общение с ним! Мать, возвращаясь с работы усталая, при виде Рыжика забывала обо всем: он действовал на неё как успокаивающее средство.

Но, увы, счастье длится недолго, это только горе бывает вечным.

Однажды принесли страшную весть: отец Юноны трагически погиб в аварии. Нет слов, чтобы описать горе дочери, жены, казалось, даже Рыжик понял, что произошло что-то ужасное, и исчезла его игривость, он стал каким-то замкнутым, равнодушным. И только когда видел ревущую Юнону, он подбегал к ней и начинал лизать слезы на её щеках, словно хотел утешить её. Юнона никак не могла смириться с мыслью, что больше никогда не увидит отца, которого она так любила! Кто придумал эту ужасную смерть, которая приносит людям столько страданий?! А как мама убивалась! Юнона просыпалась среди ночи от рыданий матери.

Она тотчас же вскакивала с постели, подбегала к матери, и, обняв её, плакала вместе с ней. Конечно же, Рыжик не мог оставаться безучастным к общему горю, и тоже взбирался в постель к маме, и начинал ластиться к ней, словно успокаивая её.

Верно говорят: время — лучший лекарь. Прошло два года после трагедии, и мама познакомилась с новым мужчиной, за которого собиралась замуж. Юноне он ужасно не нравился, и она не могла привыкнуть к мысли, что место её любимого папы, всегда улыбчивого, доброго, займет этот такой неприветливый мужчина. И Рыжик невзлюбил его инстинктивно. Но жизнь есть жизнь. Мама была ещё молода, чтобы не остаться век вдовой, она согласилась, ведь и ей хотелось обустроить свою судьбу. Новый знакомый мамы — Даврон был всегда хмурым и недовольным. Словно жизнь была ему не в радость. С первого дня его появления в доме они с Рыжиком невзлюбили друг друга.

— Это ещё что за гадость в доме? — кричал Даврон. — Вы что не понимаете, что это харом¹. — И безжалостно пинал бедного Рыжика, не привыкшего к такому общению, который с жалобным стоном падал, ударившись об стену,

---

¹ Харом — Нечистое, поганое.

словно мяч. Благо, в это время Юнона была в школе, иначе она не вынесла бы этого зрелища.

— Не смей трогать кота при Юноне! — не выдержала однажды мать. У неё и так свежа боль потери отца! Не травмируй моего ребенка!

— Ах, вот как?! — Рассвирепел однажды Даврон. — Тебе придется сделать выбор между мною и котом. В мой дом он никогда не войдет, поняла, ни-ког-да!!

— Неужели ты не можешь понять, что значит Рыжик для Юноны? Она не сможет жить без него!

— Ничего, смирится! Живет же без отца! — жестко бросил Даврон.

И такие ссоры происходили в семье все чаще. Правда, при Юноне Даврон старался не бить Рыжика и не проявлять свою к нему неприязнь. Но как только оставался с ним один на один, отводил душу, издевался над несчастным, словно изверг, не кормил, не поил, только и делал, что отшвыривал его из угла в угол. Привыкший к ласкам, и выросший в любви Рыжик стал робким, боязливым от такого непривычного общения. Он стал избегать Даврона. Услышав его шаги в коридоре, которые он только понятным ему самому способом отделял от шагов десятки других людей, живущих в доме, убегал в другую комнату, забивался в угол или прятался в шифоньере. И выходил из своего убежища только когда слышал такой дорогой голос

любимой Юноны. И начинал ластиться к ней, словно хотел рассказать о своей нелегкой доле. Ах, если бы он мог говорить на человеческом языке! Сколько бы он рассказал своей любимой хозяйшечке о вероломстве, лицемерии и жестокости людей! Но, увы... Он стал вялым, апатичным. Не хотел есть. Исчезла его игривость. Обеспокоенная Юнона показала своего питомца ветеринару, и тот успокоил её со словами:

— Не беспокойся, у него все в порядке!

Родители Даврона жили в другом городе, и он собирался увезти семью с собой, невзирая на протесты и слезы Юноны, мать согласилась с ним.

После долгих хлопот по продаже квартиры, наконец, за ними пришла машина, и они отправились в путь. Даврон с самого начала был против того, чтобы Рыжика забрать с собой в новую жизнь: там для него не было ни малейшего места.

Но Юнона плакала и говорила, что без Рыжика она никуда не поедет, и села в машину, держа на коленях своего любимца. По дороге её укачало, и она сладко заснула. Воспользовавшись её сном, и тем, что задремала и мать.

Даврон вышвырнул Рыжика на дорогу из окна машины и грязно выругался. Больно ударившись хребтом об асфальт, Рыжик жалобно и едва слышно застонал, словно человек. Ибо перед болью все равны, и люди, и животные.

Но некому было прийти ему на помощь. Только непрестанно снующие в обе стороны машины заставили его отползти, преодолевая нестерпимую боль, на обочину дороги, где он впал в беспамятство. Очнулся он от пронизывающей боли в спине и стал зализывать свою шерсть, и ощутил во рту соленый вкус крови. Пролежал до самого утра в бессознательном состоянии. Очнувшись, попил воды с арыка, и отправился в путь: ему хотелось, во что бы ни стало, вернуться в свой дом, к любимой Юноне. Ах, как он был далек, этот дом. Но он шел невзирая ни на боль, ни на свою слабость, ни на свои стертые в кровь, лапы. Так было велико его желание снова увидеть Юнону. О счастье! Среди стольких похожих друг на друга микрорайонов он нашел нужный ему, и даже нашел знакомый двор и дом, поднялся на третий этаж и жалобно замыкал у двери, словно прося впустить его в дом скорее. Он надеялся увидеть своих любимых хозяйшечек, и показать им, как он стер в кровь свои лапы. Он жалобно мяукал у двери и звал их. «Наконец-то я дома! — ликовал Рыжик. — Сейчас выйдет Юнона, возьмет меня на руки, прижмет к груди, а я буду лизать её пухлые щечки» — мечтал он. Но, то, что произошло, стало совершенно неожиданным и неприятным сюрпризом для Рыжика. Дверь открыл какой-то бугай и огромной ногой в ботинке отшвырнул

Рыжика по лестнице вниз:

— Только тебя, грязнули и не хватало! — грязно выругался он вслед ему.

Обессиленный, весь в ушибах и ранах, Рыжик ударился об угол и беспомощно распластался на полу. У него не было сил, даже чтобы застонать. Ах, как у него саднили раны: как ему было больно за незаслуженную обиду! Рыжик забился в угол подъезда и стал зализывать свои раны. Но, увы, беда приходит не одна: вдруг на него кинулся огромный дворовый черный кот и стал кусать, царапать его, словно выгоняя его из своей территории. Не привыкший к такому общению Рыжик вовсе обмяк и упал словно мертвый, и только тогда черный кот оставил его в покое. И вот с того дня начались его страдания и его такая несчастная жизнь: и он хотел спросить людей, за что с ним так обошлись? За что, его, уличного кота приручив, и отучив от борьбы за место в этой жизни, теперь такого беспомощного и несчастного выкинули на улицу? Как ему дальше жить без любимой Юноны? Как найти её?!

Но люди, озабоченные своими ежедневными заботами и хлопотами, или отмахивались от него или же отталкивали с обидными словами «Прилипала, попрошайка, бомж».

Дворовая ребятня считала своим долгом толкать, швырять во все стороны бедного Рыжика,

кидать ему вслед камни, многие из которых достигали цели. И он, голодный, весь в ранах и ссадинах, грязный, искал какой — нибудь укромный угол в подвале, чтобы спрятаться от людской жестокости и от драк со своими сородичами. Он был очень несчастен. Жизнь ему опостылела. Если бы он мог, наложил бы на себя руки, чтобы положить конец своим не только телесным, но в первую очередь, душевным страданиям. Но у него не было рук!..

Изредка кто-то из сердобольных людей кидал ему кусочек колбасы или хлеба. Но он не успевал дотронуться до еды, как тут же подбегали другие уличные коты и отнимали у него даже эту еду...

Но однажды одна женщина преклонного возраста, угостив его колбасой, стала рядом, чтобы никто не смел, отнять у него еду, и стала гнать других котов. О, счастье! За столько дней, впервые Рыжику удалось наесться. Он с благодарностью посмотрел на женщину и увидел слезы в её глазах:

— Что, маленький, досталось тебе, в этой жизни? Да, люди, стали хуже зверей. Но прости меня за грехи всего человечества, — и она погладила Рыжика по его грязной головке.

У Рыжика замерло сердце: Как давно никто не ласкал её!

И с того дня он только и делал, что ждал свою новую любовь у подъезда: она не могла взять его

домой, так как у мужа, страдающего бронхиальной астмой, была страшная аллергия на кошачью шерсть. Но каждый раз выносила ему еду, дожидалась пока Рыжик не съест все, и только потом уходила.

Рыжик стал поправляться. У него даже заблестела шерсть. Он стал почти прежним, ухоженным котом, если не считать того, что не был таким чистым как прежде. Он стал немного отходить от своего горя, уже не так сильно страдал по своей прежней хозяйке, которая, по его мнению, предала его. И баба Наташа очень привязалась к Рыжику. Выходя из дому, она первым делом искала Рыжика, звала его, подкармливала, рассказывала ему что-то ласковым голосом. А Рыжик ел и слушал её с благодарностью.

Был хмурый зимний день. Дул холодный ветер, кружа в воздухе снежинки. Небо было затянуто темными тучами. Обеспокоенная за Рыжика баба Наташа, схватила еду для своего любимца, и вышла во двор. Кутаясь в свою шаль от холода, она стала звать:

— Рыжик! Рыжик! Где ты? Я тебе принесла еды!

Но Рыжика не было нигде. Обычно он сам прибежал к ней, даже звать его не приходилось. А сейчас... Бабу Наташу охватило дурное предчувствие: что-то с ним случилось!

Невзирая на мокрый снег и холодный ветер, она бегала по двору в поисках Рыжика, заглядывала во все подъезды: Но его не было нигде.

— Может, он спрятался в каком-либо теплом подвале, — словно утешая себя, промолвила она и направилась к себе домой. И вдруг увидела посреди двора какое-то рыжее пятно. Подойдя ближе, она увидела, что это мертвое тело Рыжика. Глаза его были открыты и устремлены в небо. И словно в них был укор всему человечеству, ставшему таким нечеловечным.

— А его только что сбила машина дяди Пети! — воскликнул девятилетний Ваня, у которого по щекам текли слезы. — Я видел, он сделал это умышленно! Потому что Рыжик не стоял в середине, он стоял у забора, — не мог успокоиться мальчуган.

Баба Наташа молча подняла рыжее тельце, и направилась в парк напротив, чтобы похоронить его... Всю дорогу она просила прощения у Рыжика за его такую короткую и трагичную жизнь, за все страдания и боль, причиненные ему людьми...

Душанбе, 2009 г.

НАЙДА
Рассказ

Написан на основе реальных событий

— Тетя Хафиза, тетя Хафиза! — Хафиза проснулась от нетерпеливого стука в дверь. Она никогда не ложилась спать днем, но сегодня у неё были нестерпимые головные боли, и она решила прилечь и забыться во сне. Видимо, было не суждено. Она встала с места и с повязкой на голове подошла к двери и открыла её. В подъезде стояла ватага мальчишек, с встревоженными лицами, многие из них с заплаканными глазами. У Хафизы ёкнуло сердце:

— Что случилось? — Взволнованно спросила она, — у вас все в порядке?

— Щенки, наши щенки, — всхлипывая, заговорил мальчишка с зелеными глазами. — Они пищат, просят есть, а их мамы нет. Мы обыскали все дворы, Найды нет нигде. А хлеб и мясо, что мы им принесли, щенки не едят.

— Они же помрут с голоду! — заголосили другие мальчишки.

— Мама, что же могло случиться с Найдой? Бедные щенята! — заплакала десятилетняя дочь Хафизы — Гулрухсор, услышавшая весь разговор.

— Успокойтесь, ребята, сейчас все решим, — успокоила их Хафиза, и, забыв даже о головной боли, быстро накинула плащ на халат и вышла во

двор вместе с мальчишками.

Эта собака рыжего цвета с белой грудью забрела во двор откуда-то около месяца назад. Она была чистая, ухоженная, словно её недавно выбросил из дома хозяин, весьма доброго нрава, никогда не лаяла ни на кого. И вся детвора во дворе полюбила её, стала опекать её. Каждый выносил из дома что-нибудь поесть для собаки. Эта общая ответственность за чью-то жизнь даже сплотила детей, сделав их дружбу более крепкой, и, казалось, что они даже стали взрослей. Дети называли её Найдой. Вскоре стало ясно, что Найда беременна. Хафиза — старшая по дому вместе с детворой соорудили ей конуру за гаражами во дворе, утеплили её картоном, ветошью. Хафиза сама в день несколько раз навещала собаку, кормила её остатками еды со своего стола, призывая детвору последовать её примеру. Ей хотелось, чтобы эти дети, предоставленные самим себе, отцы многих из которых работали в России, а матери с утра до вечера сидели на базарах, чтобы заработать хотя бы несколько сомони в семейный бюджет, знали, что такое доброта, ответственность за других, чтобы они не пинали собаку, не убивали кошек, а защищали их. Она поднимала одна своих трех детей, муж её погиб во время гражданской войны в Таджикистане, и испытала все тяготы жизни, но это не ожесточило её, а напротив, она стала добрее,

научилась сострадать горю других. Детвора во дворе любила эту женщину с мягким характером, такую ласковую с ними. Она разговаривала с ними как с равными, вникала во все их детские проблемы, после помогала решать их.

Но были и такие, что не любили Хафизу: соседка по подъезду — Фируза, мать Джунайда. Она завидовала Хафизе за любовь к ней детей, за уважение жителей дома, за то, что она старшая по дому... Эта была склочная и завистливая женщина, она переругалась почти со всеми соседями, ибо являясь женой бизнесмена, была хорошо обеспечена и нигде не работала. Так как она с трудом окончила восемь классов школы, её не интересовали ни литература, ни музыка, ни другая духовная пища. А времени свободного было навалом. И вот и занималась тем, что сплетничала, все время плела интриги за спиной Хафизы. Однажды, даже уговорив одну из соседок, сами себя назначили старшими по дому, устранив Хафизу. Откуда было Фирузе знать, что эта вождеденная должность не принесет ей ничего, кроме хлопот. Через два месяца, не выдержав всех трудностей этой должности, они отказались от неё, и жители дома снова избрали старшим по дому Хафизу...

А сын Фирузы — семилетний Джунайд не мог понять, почему никто не любит его маму, такую

красивую, добрую?! И это отношение к матери сказывалось и на нем: зачастую детвора не хотела играть с ним, так как при малейшем промахе, Фируза приходила ругаться с их родителями из-за своего сыночка. И Джунайд очень страдал от этого, так как дети не хотели общаться с ним. Но Хафиза уговаривала детей не делать этого, говоря, что Джунайд ни в чем не виноват, и вообще он очень добрый, хороший мальчик. И только благодаря ей зареванный от жалости к щенкам Джунайд сейчас находился среди взволнованной детворы.

Они направились к конуре Найды: там пищали пятеро маленьких, разноцветных и очень забавных кутят ещё с закрытыми глазами. Они действительно пищали от голода, невзирая на то, что жалостливые дети натаскали им мяса, хлеба, колбасы. Откуда было им знать, что те ещё слишком малы для такой еды?! Хафиза по одному брала щенков на руки, прижимала к груди, гладила их со словами: Бедные мои, вы проголодались, куда же подевалась ваша мама? Не могла же она бросить вас? Щенки в ответ только пищали. Найда не появилась и на второй день. Тогда Хафиза забила тревогу: не могла собака, так рьяно защищающая своих щенков даже от неё, бросить их на произвол судьбы. Значит, с ней случилось что-то нехорошее. Хафиза купила молока, детских бутылочек, и начала кормить кутят через соску. Дети

завороженно наблюдали за её действиями, и за тем, как жадно щенята глотали молоко: ещё бы, ведь они были голодны столько времени! И начали просить Хафизу разрешить им самим кормить щенят. И бутылки с молоком начали переходить от одного ребенка к другому. А щенята все пили и пили молоко...

Найду искали по всему микрорайону. Но поиски не дали никаких результатов. Хафиза не знала, что и подумать: кому же понадобилась дворовая собака?

И вдруг, на третий день с соседнего дома пришел к ребятне, кормящей под руководством Хафизы щенков, девятилетний Хуршед, и сообщил им о гибели Найды.

— Это были дяди из закрытой машины, они ловили всех собак и сажали в машину. Но Найду никак не могли поймать, она убегала от них. Они ругались на неё, кричали. Но, в конце концов, самый здоровый дядя из них поймал Найду стал бить лопаткой. Я умолял их, просил не трогать её, сказал, что у неё совсем маленькие щенята! — заплакал мальчишка, — Но они даже слушать меня не стали! Бедная Найда, как она стонала от боли! Он бил её, пока она не умерла! А другие дяди смотрели на это и смеялись! Никто не защитил Найду! А сколько людей видели, что происходит! Только тетя Маша отругала их и сказала, что они не

боятся Бога! Но они отругали и её, со словами «Не лезь не в своё дело, старая ведьма!», и чуть не ударили её! А тетя Маша такая хорошая, добрая! — Ещё громче зарыдал мальчик. — Наш двор до сих пор залит кровью Найды!

От этой ужасной вести остолбенели мальчишки, ухаживающие за Найдой и её щенками. Многие из них тоже начали всхлипывать. Сама Хафиза была в ужасе от услышанного. «Изверги! Как они, взрослые люди могли так поступать на глазах у детей?! Да ещё оскорбить старого человека только за то, что она вступилась за бедную собаку?! Чему же они могут научить своих детей? Бесчеловечности и жестокости?! В других странах создают приюты для собак, спасают их, всем миром приносят им поесть, дают денег на содержание приюта, а у нас... Каких детей могут воспитать эти нелюди?! Кто же мог вызвать службу отлова собак? — задавала она себе вопрос. — Ведь Найда не мешала никому!»

— Это тетя Фируза ходила к дяде Рустаму, который работает в Хукумате и попросила его вызвать машину для отлова собак! — вмешалась в разговор девочка лет одиннадцати, словно угадав вопрос Хафизы — Я сама слышала их разговор. Но я не думала, что они хотят убить Найду! — заплакала и она.

Мальчишки зло посмотрели на зареванного

Джунайда:

— Уходи, больше не смей приближаться к нам! — кричали они. — Это по вине твоей матери щенята осиротели!

Испуганный Джунайд умоляюще посмотрел на Хафизу.

— Вы не правы, ребята, это же не Джунайд убил собаку, вы же видите, он страдает не меньше вас, тоже переживает! Он не в ответе за поступки матери!

Весть о том, что Найда пропала и ещё слепые кутята могут погибнуть без матери, не оставила равнодушной никого: благо, ещё осталась на земле доброта, дети приходили даже из отдаленных домов, чтобы покормить их, не дать им умереть. А потом мальчишки из соседнего дома забрали щенков к себе, пообещав Хафизе присмотреть за ними. «Но смотрите, я буду приходить, контролировать вас каждый день! Чтобы все щенки были живы — здоровы! — предупредила Хафиза их. — Пусть немного подрастут, окрепнут. Потом можно отдать их желающим завести собаку».

Однажды Хафизу остановила во дворе соседка из другого подъезда:

— Хафизаджон, дай Бог вам здоровья за вашу доброту, за то, что не дали безвинным щенятам погибнуть! Это же такие же, как мы живые существа, — начала она свой разговор. — Спасибо

за то, что хоть вы своим примером учите детей доброте. Не то, что Фируза, она даже не испугалась Аллаха, когда совершила своё злодеяние! «Я устрою этой бева Хафизе, покажу ей, как завести собаку в нашем дворе, уберу и собаку и её щенят, будет знать, как со мной связываться!» — Грозилась она. И, оказывается, ходила к Рустаму с первого подъезда — работнику Хукумата с просьбой вызвать машину для отлова собак. Она ведь сама мать, как она могла обречь на гибель ни в чем неповинные существа? Боже, куда мы катимся?! Какой пример подаем своим детям?!

— Вон оно что! — воскликнула Хафиза, — значить свою ненависть ко мне она перенесла и на бедную собаку с её детенышами? Я не буду проклинать её: пусть рассудит сам Аллах! — с этими словами Хафиза направилась к ватаге ребят, идущих к ней, чтобы дать отчет о состоянии щенков.

— Они уже открыли глазки! — Радостно сообщили дети, перебивая друг — друга. Они стали такими сладкими! Уже играют с нами! Мы даже дали им имена: Барбос, Тузик, Рыжик, Карапуз, Шарик!

— А вы знаете, как счастлива Найда, как она радуется! — сказала детям Хафиза задумчиво.

— Как она может радоваться, она же мертвая! — удивился один из мальчишек.

— Она просто ушла в иной мир и наблюдает за вами с того света! И она очень благодарна вам всем за спасение её щенят! — проникновенным голосом сказала Хафиза. — А вы у меня молодцы! Вырастите настоящими людьми!

Окрыленные похвалой дети, радостно улыбаясь, направились к своим щенкам, а соседка с другого подъезда, глядя на происходящее, подумала про себя: «Хорошо, что не все очерствели душой, есть ещё люди, которые могут научить детей доброте, человечности, иначе наступил бы конец света. Ибо зло разрушает все вокруг себя, только добро может быть созидательным, поэтому повсюду надо сеять только его семена!».

Душанбе, 2013 год

ЛИСТИК

Рассказ

Основан на реальных событиях.

Перед сном, Худоёр, как обычно, обошел свой двор, огород. Подняв голову на небо, замер от восхищения: на обрывке белого облака на синем небе, похожего на арбу, плавно плыла полная луна. Казалось, она держит за вожжи, и сама ведет арбу в

нужное направление... Худоёр довольно осмотрелся вокруг: ведь все было создано его руками!

Дом его был хоть и не столь пышным на вид, но основательным, состоял из шести комнат, все удобства находились внутри, что было очень комфортно для его жены Джонайры и троих детей.

За домом он посадил фруктовые деревья, развел небольшой огород, так что за зеленью не надо было идти на базар. Возле ворот находился гараж. Вот уже двадцать лет они жили с женой душа в душу, ни разу не обидев друг друга ни словом, ни взглядом. И дети росли в атмосфере любви и благожелательности. Старшему сыну Фариддуну уже исполнилось восемнадцать лет, и он учился в институте на юриста. Второй сын — Олим учился в шестом классе, а любимице семьи — младшей доченьке Нозанин только исполнилось пять лет. В семье любили читать не только таджикскую, но и мировую литературу, и во время ужина, когда все собирались за столом, обменивались своим мнением о той или иной книге. Одним словом, духовный мир всех членов семьи был богат. Это было странно, тем более что сверстники Фариддуна и Олима не отрывались от своих компьютеров и интернета, и никакие книги их не интересовали.

Сам Худоёр работал директором небольшой

фирмы и был любим всеми сотрудниками за свой мягкий, добрый нрав и справедливость. Джонайра преподавала персидский язык в университете.

Возле ворот Худоёру показалось, что слышит детский плач, и он внимательно посмотрел вокруг и вдруг, увидел истекающую кровью рыжую кошку, которая, видимо, от нестерпимой боли тихо стонала, и стон её напоминал плач младенца. Худоёр подошел к ней и нагнулся, чтобы посмотреть, что с ней стряслось.

Вся шерсть кошки окрасилась в алый цвет, глаза были полузакрыты. Худоёр поднял на руки животное, и увидел раненый бок, с которого сочилась кровь.

Кошка испуганно втянула голову, словно ожидая новых ударов от своих мучителей. Худоёр погладил её, и ласково произнес: кто же тебя так?! Ни один зверь не мог бы поступить с тобой так жестоко! Это может быть только делом рук людей!

Словно подтверждая его предположение, кошка моргнула несколько раз. Худоёр, держа её на вытянутых руках, чтобы не испачкаться, зашел домой и позвал:

— Джонайра, дорогая, подойди в ванную комнату, мне нужна твоя помощь!

Увидев истекающую кровью кошку, Джонайра испуганно вскрикнула:

— О Аллах! Что с ней стряслось?!

— Не знаю, сейчас нужно вымыть и обработать её рану, иначе бедняга вовсе погибнет! Ты не бойся, я знаю, что у нашей Нозанин аллергия на кошачью шерсть, я не возьму её домой, но пусть остается хотя бы во дворе, пока не вылечится!

— Ты мог бы и не говорить об этом, — обиженно ответила Джонайра. — Мы что, нелюди, чтобы оставить бедное животное в таком состоянии?!

Они вымыли и обработали рану кошки, остановив кровь, затем налили в миску молока и поставили перед ней. По тому, как она жадно глотала молоко, можно было догадаться, что она голодает давно. Видимо, умирая, лежала где-то, но собрав последние силы, каким-то образом доползла до ворот Худоёра, в поисках помощи, видимо не совсем потеряла веру в человечество. Насытившись, она благодарно посмотрела на Худоёра и тот воскликнул: надо же, твои глаза имеют форму листика дерева. Ты будешь Листиком. Благо дети спали и не видели, в каком страшном состоянии находилась кошка.

Худоёр нашел коробку, положил в неё мягкую тряпку, и осторожно опустил в неё раненое животное. Одну сторону коробки он открыл, сделав некое подобие дверцы, чтобы кошка могла свободно заходить и выходить из коробки. Кошка, наевшаяся наконец до отвала, словно забыв о своих

болях, сладко заснула на этом мягком ложе. Худоёр осторожно поднял коробку и, вынося во двор, поставил за домом, чтобы дети не видели её. Рядом поставил миску с молоком, и пиалу с водой, и, ещё раз погладив её нежно, вернулся домой.

На следующий день Олим пришел домой темнее тучи.

— Что с тобой? Что-то случилось в школе? — обеспокоенно спросила мать.

— Нет, в школе все нормально, и я опять получил пятерку, — поспешил мальчик успокоить свою мать. Просто мальчишки с улицы рассказали мне ужасную историю! Я до сих пор не могу прийти в себя! — У Олима на глаза навернулись слезы. — Представляете, Файзиддин и Эмом поймали какую-то кошку и очень долго издевались над ней, они избили её до полусмерти, ранили ей бок гвоздем, а она, оказывается, так орала, так звала на помощь! — Не сдержал рыданий Олим. — Но вы же знаете, как все дети нашей улицы боятся этих двух головорезов! Никто из них не осмелился избавить кошку от этих мук, они только смотрели на происходящее, и плакали... Но почему никто из них не догадался хотя бы позвать на помощь взрослых?! — Закричал дрожащим голосом Олим.

Джонайра прижала сына к груди и поцеловала в его кудрявую голову. Она понимала, что для их детей, выросших в нормальной семейной

атмосфере, жестокость по отношению к кому бы то ни было, а тем более, к более слабому, является чем — то из ряда вон выходящим. Но для Файзиддина и Эмома... Оба они из неблагополучных семей, отец Файзиддина наркоман со стажем, а отец Эмома — безнадежный алкоголик. А их матери... Их выдали замуж в 17 лет, они не имеют ни специальности, ни образования, да и воспитали их в таком духе, что основная их миссия в этом мире — выйти замуж и нарожать как можно больше детей, что они и сделали, в каждой семье было по семь детей. Но никто не объяснил им, что этих детей ещё нужно достойно воспитать, дать им образование, специальность. И дети росли как грибы на улице, предоставленные полностью самим себе, ибо матери были вынуждены сидеть на базаре и торговать всякой мелочью, чтобы было, на что купить хлеба домой...

Дети росли в семьях, где жестокость была обычным явлением: отцы жестоко избивали их матерей на глазах детей. И дети четко уяснили себе, что нет ничего зазорного в том, чтобы обидеть слабых, беспомощных. Их матери часто ходили с разбитыми носами, с синяками под глазами. И некому было помочь женщинам, родственники говорили, что они должны терпеть все ради семьи, терпеть — это и есть удел таджикских женщин. Они и терпели: ибо в их кругу не считалось

ззорным быть избитой мужем! Бьёт, значит любит... А другой жизни они не видели.

Файзиддин и Эмом были старшими детьми в семье. Они держали в страхе всю округу: то подерутся с мальчишками из других кварталов, то избьют мальчишек своего квартала, однажды они вдвоем содрали шкуру с живой бродячей собаки, получая огромное удовольствие от её завывания от боли, пока не подоспел вызванный соседями участковый милиционер, который был вынужден застрелить собаку, чтобы положить конец её мучениям... Теперь эта кошка...

— Твой отец спас эту кошку, успокойся, мой мальчик, он живет в коробке за нашим домом. Мы обработали её раны, они уже заживают. Только ничего не говори Нозанин, ты же знаешь, у неё страшная аллергия на кошачью шерсть...

Олим стремглав побежал за дом и увидел рыжую кошку в коробке, она сладко спала. Мальчик посмотрел на её рану, которая уже затягивалась, и облегченно вздохнул.

Вот так Листик и осталась жить во дворе у Худоёра. Дети с удовольствием ухаживали за ней, подкармливали. И, наконец, Листик выздоровела полностью и, свободно ходила по двору, по саду, на правах новой хозяйки отгоняя птиц.

Она выделяла Худоёра из всех членов семьи, словно помнила, что именно ему она обязана своей

жизнью. Да и Худоёр очень привязался к ней. Листик ждала его каждый вечер у ворот, он здоровался с ней, гладил её, спрашивал как её дела. В ответ Листик довольно мурлыкала. Казалось, этой гармонии и счастьем не будет конца. Но, увы...

Однажды утром на всю округу раздался крик Джонайры: Худоёр умер во сне. Вскоре весь двор, дом заполнились соседями, родственниками. Кто-то из женщин увела к себе домой Нозанин, чтобы она не испугалась. Но сыновья, довольно взрослые, понимали, какая случилась трагедия в их жизни, и плакали навзрыд, не стесняясь никого...

После похорон Худоёра словно дом опустел, теперь в воздухе вместо любви витали печаль и скорбь...

Листик, как всегда, вечерами ждала у ворот Худоёра, но его все не было. Тогда она металась по двору, по соседям в поисках своего любимца, но не находила его. И она перестала есть, даже отказывалась от воды. Видя её состояние, Джонайра плакала ещё больше, ибо преданность животного трогало её до глубины души.

Однажды утром, Джонайра подошла к коробке, в которой жила Листик, и увидела, что она пуста. Листик исчезла со двора. Дети искали её повсюду, в огороде, в саду, заглядывали под каждый куст, но, тщетно...Её не было нигде, словно провалилась сквозь землю...

Кто его знает, может эти головорезы квартала поймали её и убили!

Прошло несколько недель. На дереве, посаженном отцом, созрела вишня. Олим решил залезть на дерево, и полакомиться свежей вишней. И вдруг, он испуганно вскрикнул: мама, тут висит что-то рыжее!

Мать, которая собирала зелень в огороде, удивленно посмотрела на сына и попросила посмотреть, что же это.

Олим залез на несколько веток выше и вдруг увидел на разветвленном суке висящее за горло рыжее тело Листика. Глаза её были устремлены на небо. Словно он искал своего хозяина там! Возможно, она, не найдя своего любимого хозяина, решил залезть на дерево и осмотреть с высоты всю округу, в надежде увидеть его, а может быть, сама повесилась от нестерпимого горя, а может, просто застряла между ветками... Увы, это осталось неразгаданной тайной. Как бы там не было, теперь она была избавлена от страданий разлуки с любимым человеком.

Олим бережно снял кошку с ветки, и, спустив на землю, похоронил под этой же вишней. Ни он, ни мать не могли сдержать своих слез. И, внезапно, до этого чистое голубое небо, покрылось черными тучами, и, полил дождь, словно и природа оплакивала смерть Листика.

Верное животное предпочло жизни смерть, и последовал за своим любимым хозяином в иной мир!..

СЕРЕЖА-ТАДЖИК

Рассказ

Джунайд умылся холодной водой канала, протекающего через их сад, и полной грудью вдохнул чистого воздуха кишлака. Кишлак находился прямо у подножия горы, из-за которой робко выглядывало утреннее солнце. А лучи его расцвечивали ветки с красными яблоками и желтыми грушами в их саду. А между яблонями и грушевыми деревьями на ветках деревьев свисали сиреневые сливы. Цветы, высаженные матерю, придавали саду особое очарование. Сипло закукарекал соседний петух, его тотчас же поддержали петухи со всей округи. Залаяла собака в доме справа. Раздался звон ведер: хозяйки пошли доить коров, прежде чем отправить их на выпас. Обиженно замычали телята, которых хозяйки не подпускали к вымени матери. Кишлак не спеша просыпался. «Боже, как же тут хорошо!» воскликнул он и снова полной грудью вдохнул чистого, горного воздуха. Как давно он не был дома! Его отправили учиться в Московскую консерваторию, и он там остался после учебы. И

вот, почти через пять лет, по настоятельным просьбам матери он приехал проведать родных. Ему уже исполнилось тридцать лет, а он до сих пор не был женат, что очень огорчало его родителей, мечтающих помянчить внуков от него. Под разными предлогами в дом приходили незамужние девушки кишлака, а мать делала все возможное, чтобы он обратил на них внимания. Но Джунайду было не до женитьбы: и женой и любовницей его была только музыка! Мир музыки, вот где ему было хорошо, где он чувствовал себя прекрасно. Особенно, когда он изливал свою переполненную душу в очередном музыкальном произведении.

Погуляв по всему саду, Джунайд вошел в дом, увидев дверь комнаты отца открытой, зашел, чтобы немного поговорить с ним о том, о сем. Но отца не было: он уже ушел на свою любимую работу: в школу, учить подрастающих оболтусов, которых любил всей душой. Джунайд заметил, что ящик письменного стола выдвинут, и там лежат какие-то бумаги. Подумав, что это сочинения школьников, он решил посмотреть уровень знаний учеников кишлачной школы. Отец его преподавал русский язык и литературу и смог внушить и своим детям любовь к великому языку Пушкина.

«Вчера мне опять приснилась наша первая встреча в 1960 году: Это был слет учителей всего Советского Союза в Москве. Меня отправили на

него как лучшего педагога русской словесности года в нашей республике. Когда мы все собрались в зале, начали знакомиться друг с другом. «Я Мария Павловна» — протянула ты мне свою маленькую, пухлую ручонку. «Фирдавс» — ответил я, и, взглянув в твои голубые и глубокие, как озера глаза, не мог оторвать от них своего взгляда. «А как по отчеству?» — отрезвил меня твой вопрос. «Кудратович» — ответил я, все так же глядя в твои глаза. Я понял, что я утонул в них навсегда, утонул по собственной воле и не хочу, чтобы меня спасли. За три дня нашего слета мы с тобой сблизились так, словно знали друг — друга лет десять. Когда твоя ручонка затрепетала в моей огромной, мозолистой от работы в огороде ладони, я понял, что и я тебе небезразличен. И объяснился тебе в любви с первого взгляда и сделал предложение. Ты приняла его, и уже через месяц я привез тебя к себе, в Таджикистан. Невзирая на все протесты родителей, я настоял на женитьбе на тебе. «Она же урус, не знает наших обычаев!» пыталась отговорить меня от свадьбы мама. «Ничего, выучит, привыкнет» отмахивался я от неё. За эти полгода совместной жизни с тобой я бы отдал все на свете! Ты оказалась мужественной: выдержала все тяготы сельской жизни, хотя сама была городской. Ни разу не попрекнула меня за отсутствие бытовых условий. Тебя полюбил весь кишлак за твой

добрый, открытый характер. Только не моя мама. Ведь она мечтала женить меня на своей родственнице — таджичке, а тут ты — урус, как она тебя называла. И вдруг... Вдруг меня призвали в армию, где нужно было отслужить три года! Ты безутешно плакала, провожая меня: словно предчувствовала, что расстаемся навсегда. Я нежно поцеловал тебя и прошептал на ухо: «Береги нашего ребенка!» И отбыл в автобусе с новобранцами, ещё не зная, куда меня отправят. Попал я в Мурманск, в Морфлот. Сколько я написал тебе писем, но не получил ни одного ответа! Я не знал, что и подумать: пока мне не написали мои родичи, что ты не захотела остаться в кишлаке без меня и уехала в Россию... Я писал в Псков, откуда ты родом, но снова не весточки... Тогда я решил, что ты разлюбила меня и нашла мужчину русской национальности. Если бы ты знала, как я тяжело пережил это твоё воображаемое мною предательство! Даже хотел покончить с собой! Благо, мои друзья — азербайджанец Али и грузин Ваню не оставляли меня одного ни на минуту, поддерживали как могли.

Когда я вернулся из армии, и родители решили женить меня, я вел себя так, словно все это не касалось меня. Свадьба прошла как во сне. Уже сколько лет мы вместе с женой Мадиной, у нас уже пятеро детей — двое сыновей и трое дочерей.

Мадина оказалась покладистой, послушной и работающей, как и большинство таджикских женщин. Она ни разу не посмела перечить мне. Но, дорогая Мария, я ни на миг не переставал думать о тебе! Ты всегда была и остаешься в моем сердце. Даже обнимая жену, я закрывал глаза, и представлял себе, что обнимаю тебя. Я долго искал тебя, но, увы, тщетно. Ты исчезла бесследно, унося с собой и нашу любовь, и нашего будущего ребенка. Как бы я хотел узнать, кто же у нас родился?! Ах, как бы я любил и лелеял это дитя нашей бурной любви! Но я никогда не рассказал о ней нашим детям, а жена сама знала все... Судьба оказалась жестокой... Каждый вечер ложась спать, я молю Бога только об одном: чтобы я смог увидеть хоть раз до своей смерти тебя и нашего ребенка! Наверное, и умру с этой надеждой.

Любящий тебя безумно твой Фирдавс.

Джунайд долго не мог вернуться к реальности: он был в шоке от своего открытия: его отец всю жизнь любил другую женщину, но мать ни разу не рассказала своим детям о той, русской женщине со светлыми волосами и голубыми глазами! У него где — то есть сестра или брат! «Я сделаю все возможное, чтобы найти их!» — принял Джунайд решение. Когда отец вернулся с работы, Джунайд сказал, что ему нужно поговорить с ним. Обрадованный отец решил, что наконец-то

Джунайд выбрал невестку и повел его в свою комнату — кабинет. Увидев открытое письмо на столе, он побледнел: «Ты все знаешь? Читал?» — Спросил он упавшим голосом.

— Я не хотел, отец, думал, что это сочинения школьников. Прости.

— Нет, нет, не извиняйся. Это даже к лучшему: Мне даже стало легче. Тяжело было нести это бремя по жизни одному.

— Отец, я найду их, я тебе обещаю!

— Как же ты их можешь найти, если она сменила фамилию, место жительства?

— Я придумаю что-нибудь. Мне самому хочется увидеть своего брата или сестру!

— Хорошо, но ты невестку себе выбрал? Мать твоя привела к нам в дом всех девушек кишлака!

— Отец, я ещё не хочу жениться. У меня другие планы, дайте мне пока заниматься моей любимой работой! Позже, я сам вам скажу.

— Мать твоя расстроится. Она очень переживает за тебя.

— А ты скажи ей, что в следующий приезд я непременно выберу себе невестку и женюсь!

— Когда он будет то твой следующий приезд, ещё через пять лет?

— Обещаю, что намного раньше: я приеду к тебе с русским братом или сестрой! А ты можешь мне дать прежний адрес Марии? Может там, кто

помнит её и знает, куда она переехала?

— Город Псков. Как ты будешь искать иголку в стоге?

— Уж это ты предоставь мне самому.

... Через два дня весь кишлак провожал Джунайда в Россию, точнее, в Москву, где он работал и учился.

Через несколько дней Джунайд отправился в город Псков, обошел почти все адресные столы, но так и не добился никаких результатов.

Наконец, в одном из них дали ему название села, где предположительно живет Мария Ивановна, но та ли эта женщина, которую ищет Джунайд, они не могут сказать точно.

Джунайд добирался на попутных машинах и удивлялся бездорожью: Боже, это проблема России не решается веками! — подумал он про себя. Наконец, КАМАЗ, на котором он ехал, остановился у въезда в село и водитель сказал: вот ваше село, а мне ехать дальше. Желаю вам успехов! Джунайд протянул водителю деньги: тот отпрянул как ошпаренный: зачем вы меня обижаете? Или вам наговорили много плохого про нас русских?

— Ради Бога, простите меня, у меня и в мыслях не было обидеть вас! Как я могу думать плохо о русских, когда сам учусь и работаю в России, и все мои друзья русские? Я просто хотел отблагодарить вас. Тогда вот что, я дам вам свой

адрес в Таджикистане, приезжайте к нам в гости со всей семьей! Мы будем очень рады! — протянул бумагу Джунайду водителю, и крепко пожав ему руку, отправился в путь.

Улицы села были безлюдны. Даже не у кого было спросить информацию. Но вдруг, Джунайду увидел старух, сидящих перед избой вдали. Сравнявшись с ними, он почтительно поздоровался, представился и рассказал о цели своего визита.

— Нет, она давно уехала в другой город, куда, никто не знает!

Разочарованный тщетными поисками Джунайду понуро сидел в поезде в Москву, глубоко задумавшись. «Что же я отвечу отцу? И почему я обнадежил его?»

— Чаю будете? — это вагоновожатая, женщина лет сорока пяти — пятидесяти оторвала его от тяжелых дум. — И что у нас такое случилось? — спросила она полусерьезно — полушутливо. — Что мы такие печальные?

Джунайду взглянул на открытое лицо женщины, и вдруг, почувствовав к ней доверие, начал рассказывать ей свою историю.

— Значит, ты ищешь Сережу-таджика! — воскликнула вагоновожатая. — Вот он обрадуется! Он всю жизнь мечтал о встрече со своим отцом и родственниками таджиками! Его ведь дразнили Сережей-таджиком, мальчишки обзывали его

безотцовщиной. Сами знаете, какой жестокой порой бывает детвора! Сколько раз мать вытирала его слезы, утешала его, обещая, что отец непременно найдет его и накажет его обидчиков. Боже, как давно это было! Теперь у него самого дети! Его мать живет в нашем селе.

— Что? — не поверил Джунайду своим ушам. — В каком селе?

— В Малиновке. Мы уже проехали его.

— Когда следующая станция? — спросил Джунайду прерывающимся от волнения, голосом.

— Скоро, через двадцать минут.

Эти двадцать минут Джунайду показались вечностью. Не успел поезд затормозить, как он оказался у выхода. Он поблагодарил вагонновожатую и спустился на землю.

Добирался он до Малиновки снова на попутных машинах.

Улицы села были пустынные. Джунайду постучался наугад, в первую же калитку.

— Хозяйка! — позвал он.

Вышла женщина средних лет.

— Вы не скажете, где живет Мария Ивановна? — спросил Джунайду.

— Это та, у кого сын Сережа таджик? — вопросом на вопрос ответила она.

Джунайду утвердительно кивнул головой.

— Вон, видите ту избу с голубыми

наличниками на окнах?

Поблагодарив её, Джунайд отправился к указанной избе.

— Хозяйка! — Позвал он сиплым голосом.

Открылась дверь и вышла седая, стройная женщина все с такими же голубыми, огромными глазами.

«В них невозможно не утонуть! — Подумал Джунайд. — Теперь я понимаю отца!»

Женщина внимательно посмотрела на него и воскликнула:

— Ты от Фирдавса?! — и чуть не упала в обморок, благо Джунайд вовремя подхватил её за талию.

— Я ждала этого дня сорок пять лет! — открыла глаза Мария Ивановна.

— Но отец искал вас все эти годы, а вы, поменяли фамилию, место жительства, вот и не мог найти вас! Я захватил его письмо, можете сами убедиться! — протянул Джунайд письмо отца, пролежавшее столько лет в ящике письменного стола.

Мария Ивановна раскрыла письмо дрожащими руками, и, поднося близко к глазам, начала читать, беззвучно шевеля губами. Слезы текли ручьём по её увядшим, морщинистым щекам.

Джунайд обнял её, и прижал к груди:

— А где же Сережа, мой брат? — попытался

он отвлечь Марию Ивановну от письма.

— Надо же, именно сегодня ему понадобилась уехать на пикник с друзьями! У них есть своё облюбованное место в лесу, в ста километрах отсюда. Как же оповестить его?

Это было время, когда ещё не было мобильной связи, к которой мы так привыкли. Да простой телефон и то был не у всех дома! Тем удивительней было Джунайду то, как же умудрились сельчане, найти Сережу — таджика за какие — то три часа, и направить его в дом матери.

Джунайд пил чай со знаменитым малиновым вареньем Марии Ивановны и рассказывал ей о жизни отца в Таджикистане, о брате, сестрах. Действительно, ни у кого в селе не получалось такого варенья, как у Марии Ивановны: у неё были какие-то свои секреты.

Перед домом засигналила машина, и Джунайд выбежал во двор и увидел не одну, а целых четыре легковых автомашин на улице. Когда из первой иномарки вышел мужчина, у Джунайда отвисла челюсть: Ему показалось, что это его брат Олим приехал по его следам. Но, когда увидел серебряные нити в каштановых волосах мужчины, понял, что ошибся. Боже, как же он был похож на Олима!

Мужчина подбежал к нему и порывисто обнял его безо всякого предисловия. Джунайд тоже обнял

его. Марина Ивановна наблюдала за происходящим, все так же плача. Толпа односельчан окружила обнимавшихся. Кто-то радостно восклицал, кто-то не мог сдержать своих слез.

— Ты мой старший брат, Сережа! — заговорил наконец, Джунайд. — Я младше тебя всего на три года! А дома у тебя ещё один брат — твой двойник и три сестры. Они все ждут вас с нетерпением!

— Нет, Джунайд, я уже не в состоянии сделать такой путь, слишком стара, а вы с Сережей поезжайте! — ответила Мария Ивановна.

Вечером односельчане вместе праздновали долгожданную встречу братьев. А на следующий день Джунайд с Сережей-таджиком отбыли в Таджикистан. Джунайд отправил домой телеграмму, сообщив, каким рейсом они прибывают в Душанбе.

Встреча, которая была организована им, была сюрпризом даже для самого Джунайда: их встречали с карнаем, сурнаем, с цветами. Казалось в аэропорт приехали все жители их кишлака. Сережа удивленно посмотрел на Олима, который как две капли был похож на него, и обнял его. А присутствующие изумлялись их сходству. Даже не верилось, что их родили матери разных национальностей!

Отец с матерью ждали их в кишлаке. Вся цепь автомобилей отправилась с аэропорта в кишлак. Всю дорогу братья расспрашивали друг друга, знакомились ближе. После шестичасовой езды по горной дороге с изумительными пейзажами, которыми не переставал восхищаться Сережа — таджик, они наконец, доехали до своего кишлака: «Приехали, приехали!» — с этими криками ватага детей побежала в сторону дома Фирдавса, обгоняя автомобили.

Двор был полон людей. Мать Джунайда — Мадина расстелила от ворот красивую ткань и ждала, когда же гость выйдет из машины. Увидев идущих в обнимку Олима с Сережей — таджиком, она замерла на месте. Словно она сама родила этого мужчину, приехавшего из далекой России.

— Ступай по этой ткани, это твой пояндоз, сынок, — обратилась она к Сереже таджику, и обняла его. Фирдавс стоял рядом с ней, не скрывая своих слез.

— Вот наш отец, — шепнул ему на ухо Олим. — Он очень ждал тебя, подойди к нему.

Сережа — таджик подошел к отцу, которого приобрел только после сорока с лишним лет, когда уже сам стал отцом семейства, и крепко обняв его, зарыдал, не стесняясь окружающих. Многие плакали, глядя на встречу отца с сыном.

Затем к Сереже таджику подошли сестры, и

робко обняли его. Мадина пригласила всех пройти в дом. Но, к удивлению Сережи — таджика, в дом вошли только мужчины, а женщины остались во дворе.

— У нас не принято, чтобы женщины сидели вместе с мужчинами, — объяснил ему Джунайд. — Но когда гости разойдутся, ты сможешь вдоволь пообщаться с сестрами и с нашей матерью.

А в дальнем углу двора мужчины в фартуках хлопотали вокруг огромных казанов, в которых варилось мясо баранов, зарезанных в честь этого радостного события.

В просторной, светлой комнате с огромным ковром на полу был расстелен дастархан, полный всяких яств.

— У нас сидят на полу, привыкай брат, — снова обратился Джунайд к брату.

Сережа — таджик с непривычки с трудом уселся на пол, но не знал, куда надевать ноги.

— Облокотись на эту подушку у стены, так будет легче сидеть — подсказал ему Олим.

Последним в комнату зашел Фирдавс. Стоя на пороге, он внимательно оглядел всех, словно хотел попрощаться и без сознания рухнул на пол.

Вызванной Скорой помощи оставалось только констатировать факт смерти.

— Отец, отец! — надрывно закричал Сережа — таджик. — Не бросай меня снова, я ждал этой

встречи так долго! — его душили рыдания, которых оглушали крики и вопли плачущих женщин. Он выбежал во двор, и, увидев, толстый ствол орехового дерева, ударился головой об него и рассек себе лоб.

— Это я виноват в его смерти! — кричал он. — Мне не следовало приехать! Он был бы жив!

Кровь шла фонтаном, и люди не знали, кем заняться, усопшим отцом или раненым сыном. Благо, врачи вызванной к Фирдавсу, Скорой помощи ещё не уехали, и, остановив ему кровь, сделали успокоительный укол. Вот так прошла короткая, длиной в двадцать минут, встреча Сережи — таджика с отцом, о которой он мечтал всю жизнь...

Душанбе, 2012 годф

ДВОРНИЧКА

Рассказ

Апаи Хайри подмела сквер и подошла к мусорным бакам. Двое пожилых бомжей — мужчина и женщина в возрасте под пятьдесят лет, жадно копались в мусорных баках, вываливая весь мусор на землю. Недалеко от них какая-то бродячая собака с аппетитом грызла кость, найденную в

мусоре, огрызаясь на окружающих, словно кто-то из них мог позариться на её находку. И птицы не упускали возможности поклевать тут выброшенный продуктовый мусор — хлеб, остатки еды. Хайри апа тяжело вздохнула и начала убирать мусор в баки. Бомжи тотчас же ушли, прихватив с собою свои трофеи. Но птички все также нахально клевали, не обращая никакого внимания на Хайри апа. Наконец, весь мусор был снова убран в баки.

— Зачем вы бросили мусор на пол? Бачки же рядом! — чуть не плача, обратилась Хайри апа к молодой таджичке лет двадцати-двадцати пяти, в дорогом платье. На всех её пальцах с ногтями, покрашенными ярким лаком, красовались золотые кольца разной формы с драгоценными камнями, на шее — массивная, длинная золотая цепочка, и такие же серьги на ушах.

Она же видела, что Хайри апа только что убрала с земли мусор!

— Да кто ты такая, чтобы указывать мне?! Каждая вонючка будет мне указывать! Тебе за это платят деньги, вот и убирай! — грубо отрезала та, и, оставив пакет с мусором на земле, ушла, как ни в чем не бывало...

Апаи Хайри, едва сдерживая слезы, подняла пакет и бросила в мусорный бак и продолжила свою работу.

— Доброе утро, апаи Хайри, —

поприветствовала её баба Наташа, пришедшая выбросить мусор. — Боже, ну что за люди, кто их воспитывал, что стоя рядом с мусорными баками, бросают мусор на землю?! Ведь сами же живут в этом квартале!

И вдруг заметила хмурое, как небо с черными, дождевыми тучами, лицо апаи Хайри и спросила:

— Что с вами? Что такая грустная с утра по раньше?

Апаи Хайри больше не смогла сдержаться и громко разрыдалась:

— Чему же мне радоваться, Наташаджон? — Меня за человека не считают, невзирая на то, что работаю целыми днями, чтобы прокормить своих семерых детей. Ты же знаешь, я одна, мужа убили в России. Образования у меня нет, вот и работаю дворником, чтобы хоть как-то прокормить семью. Да ты сама видишь каждое утро с пяти часов я здесь, убираюсь в сквере, затем убираю мусор, оставленный людьми на земле возле мусорных баков! Сделала замечание молодой таджичке, так она меня же и отчитала! Сказала, а ты кто такая, чтобы делать мне замечание! Мол, ничтожество, знай, своё место! — снова заплакала апаи Хайри.

— Это та, что вся в золоте? — Спросила баба Наташа. — Да она же переругалась со всеми соседями, настоящая хамка, никакого воспитания, да ещё такая высокомерная, не обращайтесь внимания

на таких глупых и пустых людей! — Иначе здоровья на всех дураков не хватит!

— Да это уже не первый раз! Она оскорбляет меня, чуть ли не каждый день!

— Ничего, все возвернется к ней бумерангом, Аллах все видит! Берегите своё здоровье, не стоит тратить его на таких недалеких и никчемных людей. Она третья жена нашего соседа Рахмата — бизнесмена, который старше неё на целых двадцать пять лет! Рано выходец из очень бедной, многодетной семьи, видимо, убежала замуж от нужды и нищеты... Но и как всегда, из грязи в князи... Они бывают такими, чтобы не вспоминать о своём былом нищем существовании!..

Апаи Хайри вытерла слезы и с благодарностью посмотрела на бабу Наташу:

— Дай Аллах тебе здоровья, Наташаджон, за твою доброту!

— Перестань, о чем ты! Есть элементарная этика поведения, о которой Рано видимо, и не ведает. Дома родителям было некогда заняться её воспитанием, отец её сильно пил, дебоширил, избивал безграмотную жену и детей. А после замужества первые жены Рахмата устраивают ей скандалы почти каждый день, даже дерутся. Так что ты на неё не обижайся. В начале и мы очень удивлялись и обижались на неё: она может наругать и старшим, для неё нет ничего святого! А

ещё она злится оттого, что уже третий год после замужества, а она никак не может забеременеть. А первые жены Рахмата злорадствуют, упрекают её за это. К каким врачам только она не обращалась! Вот и озлоблена на весь мир!

— Эх, Наташаджон, тогда ты должна была убивать всех вокруг! Уж сколько горя выпало на твою долю, не приведи Господь! Похоронила убитого подонками двадцатилетнего сына, дочь, изнасилованную во время войны. Мужа своего, который умер от инфаркта, не выдержав столько горя! Но ты источаешь свет, доброту!..

При этих словах голубые, но уже выцветшие от слез, глаза бабы Наташи наполнились слезами, одна из них покатилась по её сморщенной щеке.

Хайри апа обняла её и прижав к груди, поцеловала в седую голову... И они долго стояли так, обнявшись, таджичка Хайри апа и русская — баба Наташа. И им даже в голову не приходило, что они люди разной религии, разной национальности... Разве это имеет значение? Главное, оставаться человеком, к какой бы расе, религии ты не относишься! Вот этого и не доставало Рано...

Наконец-то и Рано привалило счастье: она родила близнецов — двух сыновей. Теперь она крутила мужем, как хотела, ведь он так долго

мечтал о сыне — наследнике, первые жены рожали ему только дочерей! А тут сразу двое сыновей! От радости Рахмат не чувял земли под ногами и выполнял любые капризы Рано. Он купил ей машину, записал её на курсы, теперь она сама садилась за руль. Рано стала ещё высокомерней, грубей, не признавала своих бедных братьев и сестер, не пускала домой даже свою родную мать! Но недаром гласит таджикская поговорка: зиндаги пастии баланди дорад! — жизнь состоит из взлетов и падений. Как же больно падать, когда взлетаешь слишком высоко!..

— Ты знаешь, Хайри апа, муж купил Рано дом и она переехала от нас. Так стало хорошо без неё! Нет ни скандалов, ни ругани! — обратилась однажды баба Наташа к Хайри апа, зайдя в сквер, где та убиралась.

— Я рада, но не понимаю, откуда люди берут столько денег? Ведь зарплата Рахмата, пусть даже он начальник, не более двух тысяч сомони, а самый дешевый дом в городе стоит не меньше ста тысяч долларов!

— Эх, Хайри апа, ты святая простота! Кто ворует, кто торгует наркотиками... Не все честные как ты, и не хотят удовольствоваться честно заработанным куском хлеба...

И обе замолчали, каждая думая о своем...

Прошло года два после того разговора с бабой Наташей. Хайри апа как всегда, закончив уборку в сквере, подошла к мусорным бакам. В одном из них с остервенением копалась молодая женщина со следами былой роскоши в истрепанной одежде. Увидев Хайри апа, она испуганно выпрямилась над баком, глядя на разбросанный ею вокруг бака, мусор. Недалеко от бака стояли пять-шесть пустых баклажек, видимо, найденных ею. А в руке она держала какую-то тряпку, напоминающую национальное платье.

Хайри апа с жалостью и сочувствием посмотрела на несчастную и вдруг, замерла на месте, с приоткрытым ртом: она узнала в этой нищенке ту высокомерную Рано, которая так часто оскорбляла и унижала её, не принимая её за человека. А теперь...

Судя по отрешенному взгляду женщины, она не узнала Хайри апа. Быстро схватив баклажки, и прижимая к груди тряпку, она удалилась от мусорных баков быстрыми шагами. А Хайри апа смотрела ей вслед и думала о превратностях судьбы: так что же с ней случилось? Почему эта молодая, когда-то такая богатая женщина превратилась в бомжа и копается в мусорных баках?! Куда подевались её богатый муж и сыновья-близнецы? Эти вопросы не давали покоя Хайри апа даже ночью. Нужно встретиться с бабой

Наташей! — вдруг осенило её. Она — то должна быть в курсе всех событий! Так как сейчас Хайри апа жила в другом доме, далеко от бабы Наташи, они виделись редко, но обменялись номерами телефонов. Вот и решила Хайри апа, которая сгорала от любопытства, сходить к бабе Наташе и узнать о том, что случилось с Рано. Та встретила её радушно, тотчас же заварила чай, поставила на стол только что испеченные пирожки с картошкой и яблоками, конфеты, сахар. После взаимных расспросов о здоровье, Хайри апа спросила у бабы Наташи:

— А как поживает ваша высокомерная соседка Рано?

— А что ты вдруг вспомнила о ней? — полюбопытствовала баба Наташа.

— Знаешь, увидела утром женщину, копающуюся в мусорных баках, которая была очень похожа на неё!

— Да? Она уже добралась до наших мусорных баков? — спросила баба Наташа. — Обычно она лазила там, где никто её не знает! Значит, дошла до ручки... — горько вздохнула баба Наташа. — Да, Хайри апа. Аллах все видит и расставляет вещи по своим местам. Её Рахмат оказался наркоторговцем, связанным с афганскими контрабандистами. Вот откуда у них было столько денег! Они не думали о том, что нельзя строить своё счастье на несчастье

тысячи и тысячи исковерканных молодых людей, которых приучили к наркотикам. Не думали о горе матерей, у которых заживо загнивали совсем недавно здоровые дети! Вот на что были куплены их дома, квартиры, машины!.. Постепенно Рахмат пристрастил к наркотикам и свою любимую жену Рано. И та стала деградировать на глазах: за порцию наркотика она готова была отдать своих детей! Рахмата задержали с огромной дозой наркотиков, его арестовали, конфисковали все его имущество, Рано лишили родительских прав, а детей её воспитывает первая жена Рахмата. Ты же знаешь, у Рано ни специальности, ни образования, вот и скатилась она на самое дно... Связалась с заядлыми наркоманами, питается на мусорных свалках, ночует где попало, напрочь забыла о том, что у неё есть сыновья...

— Но у неё же есть сестры, братья, мать!

— Они не простили ей её высокомерия, когда она жила хорошо, и не признавала никого из них.

— О Аллах, пожалей её детей, вразуми эту женщину, чтобы она вспомнила о том, что она мать! — с дрожащим от слез голосом промолвила Хайри апа.

— Аминь! — поддержала её баба Наташа и обе замолчали, погружившись в свои мысли...

Июль, 2015, курорт Оби гарм.

СЧАСТЬЕ — ЭТО ДЕНЬГИ!

Рассказ

Открыв глаза, она удивленно оглянулась вокруг: белые стены, белый потолок, люди в белых халатах. «А может, это и есть рай, а эти люди в белых халатах ангелы?» пронеслось в голове. Но дикая боль в груди вернула её к действительности: увы, она ещё жива, вопреки всем своим мечтам о скорейшей смерти! Так, где же она? И как она сюда попала? Главное, почему? Но истощенный от болей мозг отказывался ответить на её вопросы и они зависли в воздухе.

— Вам легче, ападжон? ² — раздался ласковый голос и, снова открыв глаза, она увидела улыбчивую, милостивую девушку в белом халате. Она показалась ей знакомой до боли, но как она не силилась, не могла вспомнить, где видела её. С трудом разлепив иссохшие губы, только и смогла прошептать, «спасибо, мне лучше», и снова погрузилась в тяжелый сон...

---

² Ападжон — сестра, уважительное и ласковое обращение к старшей женщине.

На следующее утро снова к ней подошла эта милостивая девушка, чтобы поставить ей капельницу: и вдруг Гулджахон словно ударило током: так эта же та девушка, которую она сватала за сына, но тот, после помолвки с ней, познакомившись с дочерью какого-то богатого высокопоставленного чиновника, отказался жениться на ней, из-за её бедности.

— Прости меня, дочь, прости за все! — прошептала она. — Прости за моего беспутного сына!

— Ну что вы, ападжон, это даже хорошо, что он отказался жениться на мне, я нашла своё счастье, у меня растут сын и дочь! Вам не в чем себя винить!

Нурджахон вспомнила тот день, когда сын наотрез отказался жениться на Дилором.

— Зачем она мне, нищая? — отвечал Аслан на мольбы матери о том, чтобы он не опозорил бедную девушку, ведь о помолвке стало известно всему городу.

— Но нет уж, я только нашел своё счастье: деньги, богатство, тесть обещал устроить меня на хорошую должность!

— А тебе не противно, что твоя так называемая невеста гуляла чуть ли не со всеми мужчинами в городе?! — не выдержала мать. — А Дилором, хоть и бедная, но за то скромная, честная

девушка с незапятнанной репутацией! Да и на работе её любят и больные и начальство. Очень добросовестная медсестра!

— Да кому в наше время нужна честь, хорошая репутация? — отпарировал сын. — А то, что она гуляла со многими, ничего страшного, и мне достанется! Опомнитесь, оглянитесь вокруг, в какое время мы живем! Сейчас главное в жизни — деньги, деньги, ещё раз деньги! Если они у тебя есть, ты самый уважаемый и честный человек с чистой репутацией, если даже наворовал все своё богатство!

— Как я пойду сватать за сына непорядочную девушку? — закричала Гулджахон в сердцах.

— О, за это можете не беспокоиться, ещё не хватало, чтобы вы меня опозорили перед моими новыми родичами своими обносками! Вы представляете себя среди этих уважаемых людей?! Они все будут в бриллиантах, золоте, в дорогих нарядах, а вы...

Аслан насмешливо оглядел мать с головы до ног: платье из выцветшего от стирок, ситца, такие же штаны, на ногах иринки- тряпичные туфли.

— Может, ещё всю нищую родню хотите пригласить на мою свадьбу? — съязвил Аслан. — Чтобы потом надо мной издевались новые родственники? Я лучше скажу им, что у меня никого нет!

— Не думала, что в старости меня будет стесняться мой собственный сын, в которого я положила всю свою жизнь! — голос у Гулджахон предательски задрожал, глаза были полны слез.

— Ладно, ладно, нечего нюни пускать. И на правду не нужно обижаться, какой бы горькой она не была! Вместо того чтобы порадоваться счастьем сына, разводите сырость! — резко оборвал мать Аслан. — Я сам решу со свадьбой!

Разорвав помолвку с Дилором, Аслан женился на беспутной Зайнаб. Только Аллаху известно, что пришлось пережить бедной Дилором.

Обрадованный тем, что наконец-то кто-то решил жениться на его непорядочной дочери, отец девушки сам сыграл шикарную свадьбу в самом дорогом ресторане города. И он сам купил квартиру, машину для молодоженов. С того дня её сына Аслана невозможно было узнать: он стал таким спесивым, заносчивым, уже не якшался со своими бывшими товарищами из-за их бедности. Теперь его друзьями стали отпрыски высокопоставленных и богатых родителей, чем он очень гордился. Он даже стеснялся собственную мать, вырастившую одна троих детей, и очень редко заходил к ней. Невзирая на то, что он видел, как нуждается мать, а сам сейчас купался в деньгах, ни разу не предложил ей помощь: права поговорка о том, что чем богаче человек, тем он жаднее. А

Аслан стал не только жадным, но и ненасытным. И повел за собой и брата и предложил ему жениться на разведенной двоюродной сестре жены с тремя детьми:

— На черта тебе нужны девушки?! — увещевал он брата, — за то перестанешь ишачить на базаре, будешь жить безбедно. У неё трехэтажный дом, полная чаша. А дети... С такой богатой родней вырастишь и десятерых детей!

И к великому огорчению Гулджахон, перед богатством не устоял и второй сын и последовал совету своего брата.

Теперь она осталась совершенно одна в трехкомнатной квартире, где мечтала нянчить будущих внуков. Но, увы... Человек предполагает, а Бог располагает. Единственная её дочь, родившаяся с пороком сердца, умерла в восемнадцать лет. Её муж Нурхон, устав от бесполезных поисков работы, уехал на заработки в Россию, чтобы прокормить свою семью, ибо Родина отказала ему даже в этой малости. Он не приезжал домой несколько лет, чтобы не тратиться на дорогу, экономить заработанные деньги для семьи, и не видел, как выросли его дети, как старела от непосильных забот его любимая жена... Он не смог приехать даже на похороны своей единственной дочери... Сейчас его единственной мечтой было выучить, дать высшее образование своим двум

СЫНОВЬЯМ.

А она работала уборщицей в школе, а ночами шила на заказ, не доедала, чтобы выучить сыновей, дать им образование.

А потом пришла страшная весть о том, что Нурхон был убит зверствующими скинхедами... Но не было даже денег, чтобы перевезти его тело и похоронить его на Родине. А ждать помощи было не откуда. Так и похоронили его земляки на чужбине.

Оба сына окончили Педагогический институт — один факультет математики, другой — родного языка и литературы. Но по окончанию ни один из них не захотел работать по специальности на мизерную зарплату учителя, и решили заняться бизнесом. Может, бизнес громко сказано, они просто в несколько раз дороже перепродавали товар, купленный у дехкан по дешевке.

Вот там и среди так называемых бизнесменов, Аслан узнал о Зайнаб, и решил жениться на ней.

Однажды, когда утром подметала двор школы, Гулджахон услышала детский плач из мусорного бака: это был мальчик лет шести, одетый в обноски. Он весь посинел от холода, и его тощее тело дрожало, как осиновый лист. Гулджахон достала его из мусора и прижала к себе хилое тельце ребенка, чтобы согреть его. Тот плакал, не переставая. Гулджахон бросила метлу, и побежала

домой с мальчишкой, выкупала его в теплой ванне, передела в старые вещи своих сыновей, а ту рвань, что была на нем, выкинула в мусор.

Вот так у неё появился новый смысл жизни — третий сын Олим. По рассказам мальчика, его выкинули мать с отчимом, так как он мешал им пить, вести разгульный образ жизни.

И теперь она была не одна: она знала, что ей есть ради кого жить. Олим тоже оказался очень благодарным: он привязался к Гулджахон, которую полюбил как родную мать. По утрам он ходил вместе с ней, и помогал убираться, выносил мусор из классов. Да и дома пытался помочь по мере своих сил. Гулджахон очень полюбила мальчишку. Он пошел учиться в ту же школу, где она работала уборщицей. Учеником он оказался смышлёным и учился на отлично.

А собственные сыновья вовсе забыли о существовании своей матери: Их теперь интересовали только деньги, богатство, и любые пути их добывания.

— А сыновья ваши вас навещают? — спросила её однажды соседка Санобар. — Или у них вскружилась голова от их новой жизни?

Гулджахон молчала, потупив глаза. Ей не хотелось жаловаться на собственных детей.

— Главное, чтобы им было хорошо! Когда им хорошо, и я счастлива! — ответила она негромким

голосом.

— А Дилшод хоть раз приводил к вам своего сына? — Вы в курсе, что его сыну скоро уже три года!

У Гулджахон сжалось сердце: внуку три года, а сын не соизволил даже сообщить ей об этом, не то, что привести внука к ней. И она узнает об этом от чужих людей.

— А у Аслана? — не выдержав, задала она вопрос.

— Вы же знаете Зайнаб. Она также гуляет налево, направо, а детей не хочет родить, чтобы не испортить свою фигурку.

— О Аллах! — Застонала Гулджахон. — Какие времена страшные настали!

Тогда она ещё не знала, что самое страшное её ждет впереди: В один прекрасный день к ней явились оба сына.

— Вы должны хоть теперь исполнить свой материнский долг! — в один голос заговорили братья — Вы же не тратили ни копейки на наши свадьбы! Но теперь мы нуждаемся в деньгах, так как крупно попали с партией героина и нужно откупиться!

— Откуда у меня деньги, разве вы не знаете, сколько я получаю, работая уборщицей в школе? — Вместо того чтобы поддержать мать в старости, вы требуете денег от меня? — заплакала Зайнаб.

— Выход всегда найдется, — заговорил Аслан — Можно продать вашу квартиру за приличную цену, она же находится в таком хорошем месте!

— А куда денемся я, Олим? — все так же плача, спросила Гулджахон.

— Да что вам осталось жить-то? Лет пять от силы... А может умрете и раньше... Ну проведете их в Доме престарелых, я уже договорился с их начальством, да и похоронят вас там сами. А мы ещё молоды, нам жить и жить! Вы же не хотите, чтобы ваши сыновья сгнили в тюрьме?

— Почему же мои сыновья не думали об этом, когда продавая героин, калечили столько судеб, губили столько молодых людей?! — закричала мать. — Разве я вас этому учила?! Для этого ваш отец отдал свою жизнь на чужбине?! Мы же вас выучили, дали специальность, хорошее образование, куда вы подевали все это?

— Надо же, она ещё вздумала читать нам нравоучения! — насмешливо сказал Дилшод. — Сейчас речь не об этом, а о том, как бы нас спасти от тюрьмы!

— У меня растёт Олим. Он только перешел в восьмой класс, его нужно доучить, вывести в люди! Я за него в ответе!

— Да кто он вам такой? Подкидыш! А мы ваши родные сыновья! Так о ком вы должны больше беспокоиться?! — заорал как бешеный,

Аслан.

— Выходит, что он мне роднее, вы вспомнили обо мне только теперь, когда вам понадобились деньги! Хоть бы раз проведали мать. Может быть, я уже давно лежала мертвая!

— Мне надоело слушать ваши глупости, собирайтесь, сейчас отвезем вас в Дом престарелых, нас уже ждут там. А Олим пусть благодарит вас за то, что вы вырастили его до восьмого класса, а дальше пусть выкручивается сам!

Он грубо схватил мать за плечи и вытолкнул за дверь. Испуганный Олим следил за происходящим глазами, полными слёз. Он не знал, как помочь матери, ведь он один против двух бугаев!

Гулджахон не помнит, что было дальше: она потеряла сознание. Но позже, в Доме престарелых ей рассказали о том, что её, бесчувственную, привезли сыновья и оставили там. Так как она долго не приходила в себя, пришлось вызвать Скорую помощь и отправить её в больницу. Она пришла в себя только через три дня в палате, которая в начале показалась ей раем с ангелами... А потом узнала Дилором, бывшую нареченную сына Аслана. Все дни у её постели сидел Олим, которому негде было жить: сыновья её успели таки продать их квартиру! Эту неделю Олим не ходил в школу и

дежурил у постели матери...

Как-то в больницу пришла Санобар, чтобы проведать соседку. Она долго возмущалась поступком её сыновей, говорила, что не осталось ничего человеческого в этом мире.

— Как они могли выкинуть на улицу собственную мать?! Но есть Бог на свете! Он всем воздает по заслугам: и Аслана и Дилшода вместе с прокурором, которому они дали деньги, вырученные за вашу квартиру, посадили на долгие сроки!

При этих словах Гулджахон лишилась чувств. И если бы не молящий голос Олима, она бы ни за что не вернулась бы к этой жизни.

— Мама, мамочка, пожалуйста, не умирайте! Не оставляйте меня одного! Не делайте меня снова сиротой! — кричал Олим сквозь рыдания. — Мы снимем квартиру, я заберу вас из Дома престарелых, и буду работать после уроков арбакешом на базаре. Я заработаю на нашу жизнь, только не умирайте, молю вас!

И она вернулась к жизни из чувства долга: чтобы не ожидало её впереди, нужно было жить ради этого мальчика, которого уже однажды предали самые близкие люди — родная мать и отчим. Второго предательства он не переживет!

И с трудом открыв глаза, она подняла онемевшую руку и погладила мальчишку по голове

и прошептала:

— Не бойся, мальчик мой, я тебя не оставлю.

Олим, содрогаясь от рыданий, прижался к её груди...

Душанбе, 2013 год

КРАСОТА — СТРАШНАЯ СИЛА!

Рассказ

Барно обожала состояние легкости и воздушности после утренних водных процедур. Ей казалось, что душ снимает с неё всю тяжесть жизненных невзгод, придавая ей бодрости. Взглянув на часы, она заторопилась и быстро надела новый сарафан, сшитый знаменитой портнихой Гулру: что ей стоило к ней попасть, выстоять очередь, но результат превзошел даже её ожидания! Сарафан подчеркивал её пышные, аппетитные формы, при узкой талии, а на её открытые белоснежные плечи ниспадали каштановые локоны её густых волос. Её карие глаза в обрамлении черных, длинных ресниц, напоминали глаза испуганной лани. В общем, она осталась вполне довольна своей внешностью, и, схватив сумку, и, водрузив на лицо очки от солнца с огромной оправой, скрывающей пол её лица,

схватила свою сумку под цвет сарафану, надела туфли на высоком каблуке и, выходя из двери, крикнула своему спящему единственному сыну:

— Ардаш, смотри, не проспай пару как вчера! Удачи тебе и до вечера!

— Пока, мама, — слышался сонный голос сына.

После того, как умер муж, невзирая на толпы ухажеров и наставления своих близких и подруг, Барно больше не вышла замуж: да разве можно встретить такого мужчину, каким был наш Якуб? — вопрошала она и сама же отвечала: конечно же, нет! А другого мне не нужно!

И посвятила всю свою жизнь сыну: и он оказался благодарным ребенком и старался, как можно поддержать свою любимую маму.

Барно шла по улице с гордо поднятой головой, слегка покачивая пышными бедрами: она обожала это время года, когда только начало июня, нет ещё знойной жары, деревья в цветении вокруг нарядные как невестки, зелень на кустах действительно зеленая, а не грязного цвета, как это бывает к середине июля... Вдруг она заметила восторженные взгляды мужчин и, как ей показалось, завистливые взгляды женщин. Ни один прохожий не остался равнодушным к её красоте в новом сарафане! Даже дети провожали её удивленными взглядами. От эйфории Барно чуть не

парила над землей. Вот она расскажет обо всем вечером сыну! Ведь они с ним были хорошими друзьями и делились друг с другом всеми своими секретами, рассказывали, кто и как прожил минувший день.

Сегодня она была дежурной на работе и должна была прийти первой и уйти последней. Она была секретаршей в издательстве и очень дружила с девушками-редакторами. Они по очереди дежурили, обедали вместе. Сегодня заботы об обеде ложились на её красивые плечи. Когда пришли девушки — редакторы на работу, стали наперебой хвалить сарафан Барно, захлебываясь от восторга, перебивая друг друга, говорили, как он ей идет!

— Что не говори, Гулру великая портниха! — заметила Гулгун. — Как она мастерски умеет подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки любой фигуры!.. Ты — красавица, Барно! И что же удивляешься, что все смотрели на тебя?! Ведь красота — страшная сила и притягивает всех как магнит!

— Да хватит вам, захвалили совсем — засмушалась Барно.

Прощаясь с Барно перед уходом, девушки снова делали комплименты Барно, а Дильбар сказала с хитрой улыбкой:

— Барно, надеюсь, тебя не украдут, и завтра мы увидимся на работе...

— Ох, девочки, вы заставите меня пожалеть о сшитом сарафане, — хмуро отмахнулась Барно.

Она ушла с работы последней. Солнце все ещё было ярким, и она снова надела очки от солнца, проверила, все ли выключила в кабинете, и, заперев дверь на ключ, вышла на улицу. Начались часы пик, и улицы были полны людьми, возвращающимися после трудового дня домой. И снова все взгляды были прикованы к Барно, словно кроме неё вокруг не было никого.

— Ардаш, у твоей мамы сегодня был фурор: никто не смог устоять перед моей красотой! Все смотрели на меня, даже автомобили останавливались и сигналили мне! — радостно и возбужденно крикнула она, входя в квартиру.

Ардаш выскочил из своей комнаты на её голос и замер на месте:

— Ну, конечно же, мама, разве можно было устоять перед такой красотой?! — И, подойдя к матери, поднес палец к очкам. Та отпрянула от неожиданности:

— Ты, что, сынок? Что с тобой? Ты выпил?! — Спросила она дрожащим голосом.

— Взгляни на себя в зеркало, мама, неужели за весь день никто тебе ничего не сказал? — подвел он мать к трюмо.

Увидев себя в зеркале, Барно задрожала от смеха, и стала сползать на пол, Ардаш едва успел